

Картинная галерея

7 • 196

Картинная галерея

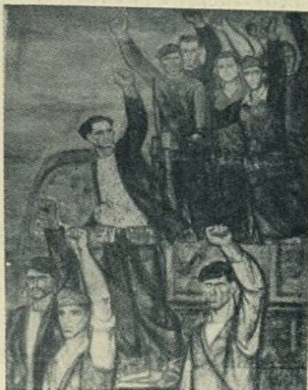
СЕНТЯБРЬ, 1965 г., НОМЕР 7
ДЕВЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА, ИЗДАНИЕ СОЮЗА БОЛГАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И СОЮЗА БОЛГАРСКИХ ХУДОЖНИКОВ

●

Главный редактор НИКОЛАЙ МАРАНГОЗОВ, зам. главного редактора ПЕТР СТЫПОМ, зам. главного редактора ИВАН РАДЕВ, лит. сотрудник ДИМИТРИНА ЙОСИФОВА. Редакционная коллегия: АНГЕЛ КАРАЛИЙЧЕВ, ГЕОРГИЙ КОВАЧЕВ, ЛАМАР, МЛАДЕН ИСАЕВ, КОЛЮ ГЕНЕВ

БОГОМИЛ НИКОЛОВ (школьник Художественной гимназии) — «Свидание»

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ:

На обложке: «Партизаны, 1944 г.» — Калина Тасева

Счастливого пути!

Божидар Икономов, V курс — «Пейзаж»

Конец учебного года всегда радостное событие. Но для учащихся и преподавателей Художественного училища он исполнен особого напряжения и ожидания. Успеваемость каждого учащегося по общеобразовательным предметам уже известна. А каков же результат творческой работы? В десятках эскизов, акварелей, графических работ, полотен, написанных маслом, скульптурных композиций отражены волнения талантливой молодежи. Мы присутствуем на традиционной, ежегодной выставке учащихся Художественного училища.

В выставочном зале среди взрослых посетителей много ребят. Они с легким смущением прислушиваются к словам окружающих. Ничто не ускользает от их внимания. Вероятно, они так волнуются потому, что здесь выставлены их произведения, которым было суждено впервые покинуть стены училища.

Выставка работ учащихся Художественного училища всегда вызывает большой интерес. На ней представлены такие работы, в которых уже чувствуется профессиональная уверенность и грамотность. Некоторые из них отличаются яркой индивидуальностью и непосредственностью восприятия. По всему видно, что преподаватели отдали много сил, чтобы воспитать и вырастить этих молодых творцов. Хочется упомянуть работы студентов V курса: Ц. Цондева, П. Маврова, Т. Мариновой, В. Томовой, студентов IV курса: В. Шефкедова, В. Шопова, С. Филева, Ц. Бояджиева, С. Димчевской, И. Димитрова, студентов II курса: Р. Богомилова, К. Радевой, Д. Георгиева, В. Попова и многих других. Подрастает молодая, талантливая смена. Молодежь волнует и сельский пейзаж, и рабочий на строительстве, и крупные промышленные объекты, и интерьеры, и человеческая теплота, и задушевность, которую они стремятся передать в своих картинах. Ребята стараются воссоздать внутренний мир, открыть нечто новое, невоспроизведенное еще до сих пор ни с помощью палитры, ни с помощью глины. Перед ними большие задачи и большие требования. Но тот, кто идет в искусстве этой дорогой, знает, что, чем труднее преодоление высоты, тем выше и лучше результаты.

Рассматриваешь эти первые работы, и тебя невольно начинает волновать свежесть, искренность и разнообразие, которые сумели уловить юные художники в будничной жизни.

Этих талантливых ребят ожидает упорный труд. Впереди перед ними Академия, где они обогатят те знания, которые получили в училище. Пожелаем же им счастливого пути!

ДИМИТРИНА ЙОСИФОВА

Георгий Генев, V курс — «Илюстрация»

Валентин Костов, V курс — «Девочка»

Сергей Прокофьев за работой

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ — выдающийся композитор современности — начал сочинять музыку в шестилетнем возрасте. Его мать записывала первые композиции сына. Маленький Прокофьев отлично играл на пианино. Он брал также уроки по гармонии, импровизировал и сочинял маленькие детские оперы, сохранившиеся до сих пор. В 1904 году, когда мальчику исполнилось тринадцать лет, его повезли в Петроград, где он должен был выдержать экзамен в консерваторию по классу композиции. Прокофьев был самым юным кандидатом. Среди двадцатилетних поступающих был и один сорокашестилетний.

Когда седовласый швейцар с длинными бакенбардами произнес его фамилию, Сергей Прокофьев выпустил руку матери, взял две папки, в которых хранились его композиции, и быстрым шагом вошел в кабинет директора консерватории. Он остановился перед роялем,который занимал почти всю комнату — от большого двустворчатого окна до самой двери. Поклонился, как его учили, и осмотрелся по сторонам. Страха он не испытывал. Ему только показалось, что сердце в груди бьется быстрее обыкновенного.

В глубине просторного кабинета, вокруг большого стола, разместились профессора. Они пили чай с гренками и, не обращая внимания на вошедшего кандидата, тихо разговаривали между собой. Сергей пересчитал их. За столом сидело десять человек. Среди них он узнал полного, с добродушно-важным лицом Глазунова и элегантно одетого, любезного, готового в любую минуту улыбнуться Римского-Корсакова. Сергей не раз слушал, как дирижировал свои симфонии Глазунов, слушал и оперы Римского-Корсакова «Садко» и «Китеж».

Профессор, сидевший за столом с краю, порылся в бумагах и спросил:

— Вы являетесь на экзамен по специальной теории, да? До сих пор вы что-нибудь сочиняли?

— Да, — ответил Сергей, повернувшись к нему.

— Вероятно, в папках ваши композиции... Что же вы написали?

— Четыре оперы, две сонаты, симфонию и несколько вещей для фортепьяно.

— Это мне нравится! — воскликнул Римский-Корсаков и встал. Он подошел к мальчику и внимательно посмотрел на него сквозь очки. Потом, немного помолчав, указал рукой на рояль.

— Может быть, вы сыграете нам?

На пюпитре стояла раскрытая соната Моцарта, которую Сергей играл года два-три тому назад.

— Сонату?

— Да.

Он начал играть, но Римский-Корсаков прервал его, перевернул несколько страниц и указал на другую сонату. Она была незнакома Сергею, но он продолжал играть, и играл, как ему казалось, хорошо. Внезапно послышался голос Глазунова:

— Он учился у Глиэра, композитора, закончившего мой класс в прошлом году. Они занимались два-три лета, не помню точно.

— Это так? — спросил Римский-Корсаков и сделал знак, чтобы Сергей прекратил игру. — Что вы изучали у Глиэра?

— Гармонию. Он просматривал мои композиции.

— Отлично, — улыбнулся Римский-Корсаков. — А теперь проверим ваш слух. Повернитесь к роялю спиной. Что это за аккорд?

Сергей на минуту задумался.

За большим

— Это. . .
— Нет, скажите только, как он называется.
— Уменьшенный септоаккорд.
— Хорошо. А теперь. . . Что я изменил в аккорде?
— Верхнее «ре» стало «до-диезом».
— И какой получился аккорд?
— Квинтсекстаккорд.
— Хорошо, — одобрил Римский-Корсаков, — теперь, пожалуйста, дайте мне ваши композиции.

Сергей встал из-за рояля, раскрыл папку и вытащил верхний лист.

— Это список моих работ, — сказал он.
— Список? — улыбнулся Римский-Корсаков. Он начал рассматривать исписанный лист.
— Насколько я понимаю, опера «Ундина» ваше последнее произведение?
— Да, — ответил Сергей, — я работал над ней этим летом.
— Вы пишете партитуру сразу для всего оркестра?
— Да.
— Пожалуйста, сыграйте что-нибудь из вашей оперы, — попросил Римский-Корсаков и поставил нотные листы на пюпитер.
— Пусть и поет! — сказал кто-то.
— Что? — удивился Римский-Корсаков.
— А почему бы и нет, он отлично поет свои вещи, — раздался голос Глазунова. В прошлом году Сергей сыграл и спел ему всю свою оперу по поэме Пушкина «Пир во время чумы».
— Хорошо, пусть поет, — согласился Римский-Корсаков.

Но петь ему не пришлось. Сергей начал играть вступление к первому действию (увертюры к опере не было) и, когда собирался перевернуть третью страницу партитуры, Римский-Корсаков, который следил за ним по нотам, сказал:

— Молодой человек, все отлично, но вы довольно часто неправильно ведете низкие голоса. Пишете в аккордах другие ноты, а не те, которые необходимо. Вот здесь, например, вместо «соль» в первом аккорде нужно «фа». Вы понимаете?
— «Соль» интереснее, — ответил Сергей, не взглянув на него.
— В каком это смысле интереснее?
— Вообще. Лучше звучит.
— Как это лучше?
— Лучше, — настаивал Сергей. — Необычно.

Римский-Корсаков нахмурился, он вытащил из кармана жилета карандаш и начал поправлять некоторые аккорды.

— А это? Разве вам не режет слух? Уж не говоря о том, что вы пренебрегаете всякими правилами. Неужели, по-вашему, это звучит хорошо?

Сергей, не мигая, смотрел на него.

— Да! — твердо ответил он.

Римский-Корсаков развел руками. Он почувствовал себя уязвленным, но не сказал ничего. Засунув руки в карманы, композитор два раза обошел вокруг рояля, а потом остановился около Сергея.

— Посмотрим, — проронил он.

Сергей сидел, не шелохнувшись. Он не чувствовал за собой никакой вины. Юноша сидел и думал о том, что завтра у себя дома он снова будет писать музыку такую, какой ее слышит, какой она рождается в его душе. И низкие голоса будут звучать так, как он этого хочет.

Римский-Корсаков постоял возле него, а потом направился к столу, за которым сидели остальные профессора. Посовещавшись с ними шопотом, он обернулся к Сергею:

— Молодой человек, завтра ровно в десять часов вы должны явиться на занятия в консерваторию.

роялем

БАНЧО БАНОВ

Рисунок ИВАНА КИРКОВА.

ПЕРЕД МОГИЛОЙ ПОЭТА

ИВАН РУДНИКОВ

Рисунок ИВАНА ГОНГАЛОВА.

Как перед света родником,
пред серым витошским* обломком
стоит девчушка с пареньком —
твои, поэт,
потомки.

Как перед чистым родником
любви к народу,
веры,
стоят перед огромным валуном
рядками пионеры.

И знают, чувствуют они,
в поклоне тут стихая,
что ты в сердцах людей
зажег огни
бессмертными стихами.

Ты каждого с букварных строк
учил, поэт народный,
свету.
О, если б ты увидеть мог
их яркие букеты!

Вплетала юная рука
цветочек каждый
так прилежно!
И, как сердца, от ветерка
трепещут галстуки их нежно.

И внуки сходятся со всех сторон,
со всех краев страны
к твоей могиле,
чтоб принести тебе, поэт, поклон, —
твоей бессмертной славе, силе!

---

*Витоша — гора близ Софии, где любил гулять Иван Вазов.

Самые мале

Трамвай, идущий на окраину города, постоянно меняет свой облик. Около восьми часов вечера он обычно переполнен пожилыми людьми — последними покупателями, которые возвращаются из ЦУМа. Но в этот вечер трамвай № 2 оккупировали пионеры.

Пока трамвай ползет через рощу, я стараюсь определить по лицам и отдельным репликам ребят, кто из них будет героем моего будущего репортажа. Потом я следую за ребятами, и мы входим во Дворец пионеров. Режиссер Кожухаров проводит нас на «маленькую сцену». Мальчики быстро устанавливают «декорации». Начинается репетиция второго действия пьесы «Приключения Чиполлино».

Уголок в парке графини Вишни. Десять стульев изображают неприступную ограду. Деревьев нет. Нет и надписей: «Вишенке запрещается опускать руки в бассейн!», «Рыбам запрещается разговаривать сВишенкой!», «Вход воспрещен!». Обе графини Вишни и барон Апельсин садятся за стол.

Бывшие маленькие друзья Театра молодежи (они уже закончили школу и многие из них стали студентами), наверное, помнят «Приключения Луковки» и вечную проблему добра и зла, справедливости и несправедливости, которую поставил в своей сказке Джанни Родари. Мальчик-луковка Чиполлино в первом действии отправляется искать правду, попранную принцем Лимоном. Пусть трепещет царство баронов, герцогов и знатных вельмож. . .

Булочка вместо жареного цыпленка, поданная барону Апельсину, не смущает двух высокомерных, скучающих дам. Светловолосая графиня Вишня I отлично знает свою роль — голос ее звучит грубо и надменно, когда она обращается к служанке Ягодке, однако, с Герцогом и Бароном она разговаривает несколько заискивающе. С Вишен-

...нькие артисты Софии

кой она лицемерно строга. Вторая «гранд дама» стремится задавать тон. Надутые вельможи каждую минуту готовы вцепиться друг в друга. Однако режиссер недоволен игрой Радиана Гичева и Здравко Титева в мизансцене, да и Красимира Шуманова, по его мнению, слишком позирует. «Всемогущественные дамы и господа» виновато посматривают на него. Сцену повторяют сначала, раз, другой, третий. . . Ну вот, теперь хорошо! Может войти Вишенка.

Уже с первых реплик Валентина Вылкова чувствуется его природный артистический талант. Эмиль Розов, исполняющий роль Чиполлино, тоже одаренный мальчик. Несомненно, что тысячи завтрашних зрителей поверят искренней печали графа Вишенки, переживающего за своего лучшего друга, сына крестьянина, которого арестовал дон Помидор.

В театре 120 артистов-ребят разного возраста. Они подготовили две новые пьесы — «Приключения Чиполлино» и пьесу Эриха Кестнера «Кнопка и Антон». В этом театре каждый артист прежде всего ученик, комсомолец и пионер. Поэтому пьесы подготавливаются двумя составами одновременно.

И вот, две новые графини Вишни садятся за столик с бароном Апельсином. В роли графини Вишни I Катя Чангырова.

Самая трудная массовая сцена проходит успешно. Но еще понадобится много репетиций, чтобы Кнопка и Антон, обитатели Страны фруктов и овощей, надели костюмы для премьерного представления. И тогда в Театре сказок снова подымется занавес, как это было на Новый год, когда ставили «Сказку сказок» и «Занятого человека», как это было в прошлом году, как это было пятнадцать лет тому назад. В зале соберутся школьники нашей столицы и ребята из других городов, они будут аплодировать актерам, кричать «бис», будут волноваться, как волновались на «Золушке», «Красной шапочке», «За поведение — ноль», на каждой новой постановке. . .

Мы выходим. В длинном коридоре видим танцоров. Они в «штатском», т. е. без костюмов, репетируют «Шопскую сюиту». Во многих комнатах Дворца пионеров горит еще свет. Мы — режиссер, Вишенка I, Ася Балабачева — Ягодка II, и я, входим в кабинет режиссера.

— Ну, а теперь прочитайте стихи! — говорит Кожухаров.

Девочка декламирует «Мою песню» Асена Босева. Потом наступает черед мальчика, он читает «Хорошую книгу» Николы Фурнаджиева. Совсем неплохо, с чувством, но...

— Обратите внимание на дикцию! — замечает строгий режиссер.

Когда мы остаемся одни, я узнаю, что Асе и Валентину в это воскресенье предстоит открыть большое собрание. . .

Мы оба верим, что и Здравко Титев, и Спасимир Спасов (он исполняет роль синьора Петрушки) через два года станут студентами Театрального института. Наши маленькие друзья когда-нибудь будут говорить так, как говорят сейчас любимцы софийской и старозагорской публики Ваня Дойчева, Лидия Вылкова и многие другие студенты Высшего института театрального искусства: «Мы начали свой путь в Школьном театре при Дворце пионеров».

Я снова в трамвае с группой ребят. Слышу различные фамилии, номера школ. Теперь я уже не стараюсь разобраться, кто в каком кружке, кто из них спортсмен, кто танцор, кто певец из хора «Бодрая смена», кто радиолюбитель. Я знаю, что они — будущие солдаты тысячной армии людей искусства, науки и техники.

АНТОН КАФЕЗЧИЕВ

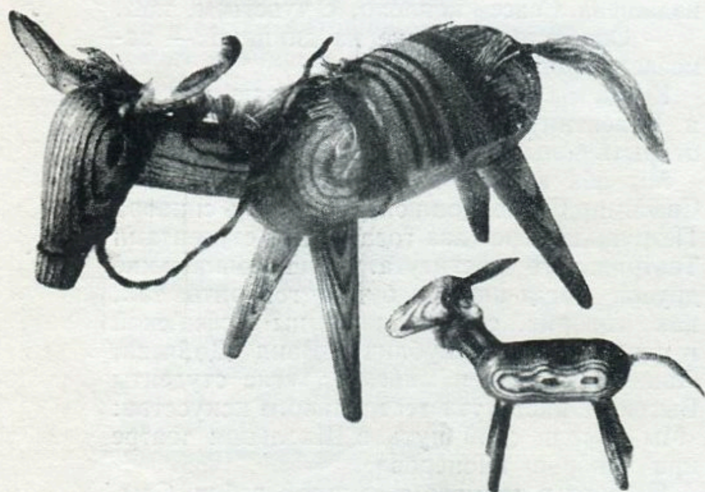
Сцены из пьес «Дюймовочка» и «Золушка» в исполнении пионеров Школьного театра

Мастер резьбы по дереву

В жилище современного культурного человека должна царить гармония. Только в приятной и спокойной обстановке человек может отдохнуть и, набравшись бодрости и сил, отправиться на работу.

Вот уже много лет заслуженный художник, резчик по дереву Асен Василев, занимается художественным оформлением мебели. На каждой выставке можно видеть его удобную и красивую мебель, выдержанную в национальном стиле.

Он родился в 1909 году в селе Арда, Смолянского округа. Старинные родопские дома с резными деревянными потолками, со стенными шкафами, украшенными изумительным орнаментом, навсегда покорили воображение впечатлительного мальчика.

Став гимназистом, Асен Василев решил, что рисование — детское увлечение, и забросил его. Но любовь к изобразительному искусству не исчезла. В те годы большой популярностью пользовался журнал «Картинная галерея». Мальчик с огромным интересом рассматривал репродукции знаменитых картин, особенно же его привлекали черные, графические рисунки. Картины больших мастеров раскрывали перед ним совсем иной мир — незнакомый, привлекательный и смущающий — мир искусства.

Закончив гимназию, Асен поехал в Софию. Осенью 1927 года он уже был студентом Академии художеств. Там юноша стал учиться резьбе по дереву. Тяжело приходилось ему в первые годы. Дерево — такой материал, который требует от резчика большого мастерства. Или, выражаясь образно, надо научиться резать дерево так, как голодный режет хлеб.

Только на третий год учебы юноша почувствовал, что дерево начинает быть подвластно ему, что, работая с ним, можно создавать подлинное искусство. Его особенно покорили работы профессора Ивана Лазарова. Именно у него он научился изображать человеческое тело и передавать красоту различных движений и поз. Асен Василев увлекался и орнаментами, но его орнаменты особенные. Для некоторых сохранившихся работ мастера характерно вплетение в орнамент человеческих фигур.

По окончании Академии его назначили в техникум Художественной обработки дерева. Много трудностей встретил на своем пути Асен Василев, но твердая воля и упорный труд открыли перед ним большие возможности.

Художник часто бывал в церквах и старинных домах, восхищался неповторимым мастерством старых умельцев, воспроизводил некоторые из их работ и учил своих воспитанников любить большое искусство. Он отбросил классические гипсовые модели, по которым учился в Академии, и давал ученикам образцы или просто фотографии шедевров народного творчества резьбы по дереву. На этой

основе они разрабатывали собственные проекты и старательно работали над их выполнением.

Но как ни любит Асен Василев искусство старых мастеров, он считает, что это искусство прошлого. В наши дни можно любоваться и восхищаться этой резьбой, тонкостью работы, воображением мастеров, но в быту, в нашей повседневной жизни, трудно найти для нее место. Она уже несколько чужда духу нашего времени.

Эти мысли волновали художника и в 1949 году, когда он стал преподавателем, а некоторое время спустя и профессором Государственной академии художеств (ныне Институт изобразительных искусств имени Н. Павловича). На свое искусство и вообще на прикладное искусство Василев смотрит как на важное общественное дело.

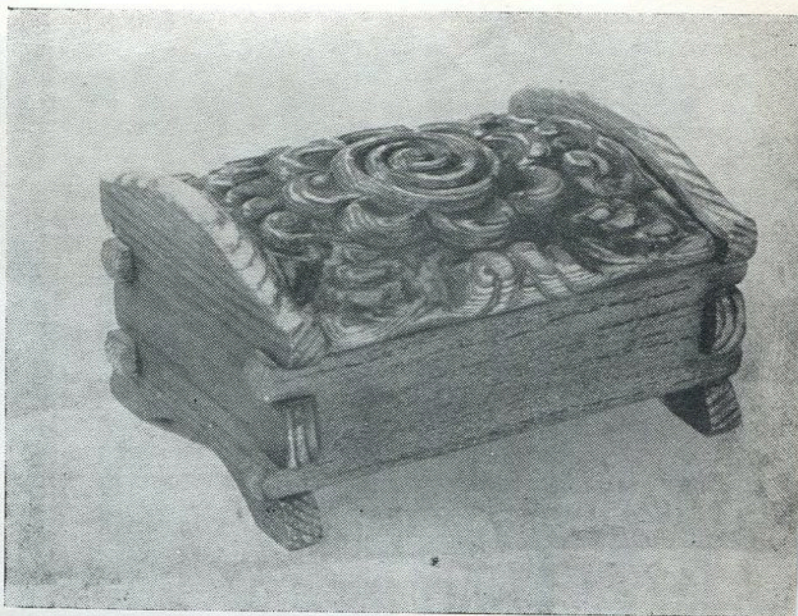
Если сегодня не целесообразно использовать старинные формы, почему бы нам не создать новые, современные, почему не выработать новый стиль?

Художник принялся за эту трудную задачу, он поставил перед собой цель указать верный путь всем тем, кто его не видит или колеблется в выборе.

За долгие годы творчества Асен Василев выработал новый стиль в современном искусстве резьбы. Он показал, как старинная резьба может зазвучать по-новому, как красота вчерашнего дня может помолодеть и стать красотой сегодняшнего.

В день 24 мая с. г., в этот великий праздник болгарского просвещения и культуры, Асен Василев был удостоен высокого звания заслуженного художника Народной Республики Болгарии.

ДИМИТР ДРУМЕВ

ХУДОЖНИКИ-ПРИМИТИВИСТЫ

В приморском бельгийском курортном городке Кнок ле Зут в 1958 году была открыта первая международная выставка художников-примитивистов — «От Анри Руссо до наших дней».

Художники-примитивисты — это простые рабочие и крестьяне, которые в свободное от работы время занимаются рисованием, не имея никакой специальной подготовки. Они рисуют пейзажи, портреты, жанровые сценки из жизни своей деревни или города. Эти художники любят яркие тона и резкие контрасты светотени. Их живопись носит декоративный характер. Особенно характерно для их искусства большое внимание к деталям. Например, в картине «Ярмарочный атлет» детально передан узор на ковре. Эти художники тщательно вырисовывают полевые травы, листву деревьев, рисунки обоев, булыжник мостовых и пр.

Некоторые из этих художников — самоучки, другие же — их сравнительно немного — получили некоторые профессиональные познания в живописи и поддержку какого-нибудь крупного художника, третьи же объединяются в своих родных местах и образовывают школы.

В Болгарии художники-самоучки получают большую поддержку. Нередко устраиваются выставки их работ.

Творческая жизнь художника имеет несколько периодов, которые отражаются в их работах. Это ранний, средний и поздний периоды. Но для творчества художников-примитивистов подобное деление не характерно. Их мышление, видение, сюжеты ограничены узким кругом местности, в которой они живут и работают. Надо отметить, что эти художники не поддаются влиянию своих знаменитых современников.

Но интересно, что такие крупные художники, как Гоген, Писарро, Пикассо, Утрильо позаимствовали некоторые элементы стиля художников-примитивистов. Ярким примером могут служить почтовые открытки Утрильо, изображающие окрестности Парижа.

Анри Руссо (1844—1910), прозванный «Таможником», является родоначальником этого стиля. Он родился в деревне Лавель и долгое время работал там батраком. Позднее участвовал в двух войнах. Его первая картина датирована 1885 годом. В Париже, где он работал таможенным чиновником, большую поддержку ему оказывали Тулуз Лотрек, Гоген, Писарро. Надо сказать, что связь с этими художниками не отразилась на его стиле.

Из представленных нами художников-примитивистов Камий Бомбоа (1883—1924) сначала батрачил в деревне, потом был кантонером и, наконец, цирковым борцом в Париже. В 1903 году он показал свои первые картины на тротуарах Монпарнаса.

Орнеоре Метелли (1872—1938) работал в своем родном местечке Терини сапожником. После работы, длинными зимними вечерами он рисовал знакомые ему пейзажи и близких людей.

Никифор (1893 г.) был пастухом в районе Лемковжеризна. Его картины были открыты в 1930 году и показаны на выставках в Варшаве, Кракове и других крупных городах Польши.

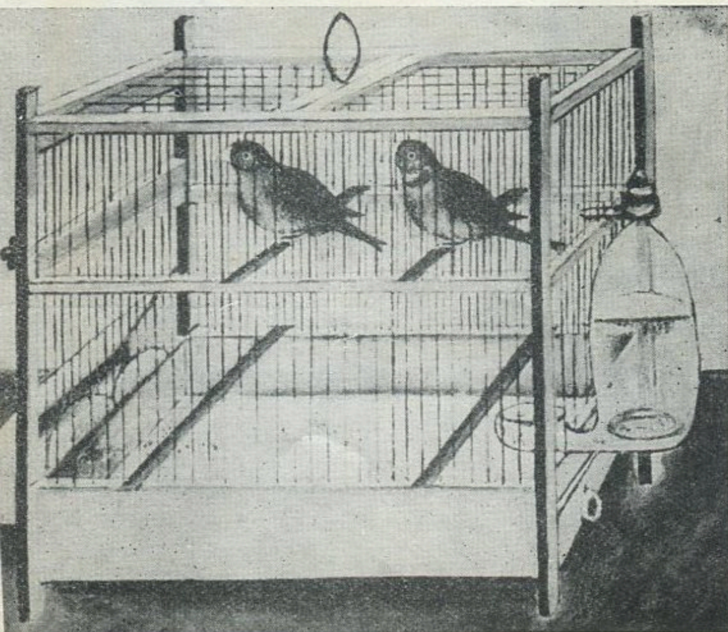
Сипке Корнелиус Гоутман (1871—1945) родился в голландском селении Докум. В возрасте шести лет он начинает рисовать. Был самоучкой, работал в пекарне.

Нико Пиросманошвили (1863—1919) родился в Грузии. Работал в Тбилиси на железной дороге. Самоучка. Начал рисовать в 1912 году.

Антонио Х. Веласкез (1906) родился в Каридаде, Гондурасе. Был парикмахером, телеграфистом Наконец, он становится старостой деревни Сан-Антонио де Ориенте, где рисует деревенские пейзажи и расписывает стены общественных зданий.

ПАВЕЛ КОНЯРОВ

С. К. Гоутан (Голландия) — «Клетка для птиц»

АНРИ РУССО — «Автопортрет» (Франция)

1

2

1. КАМИЙ БОМБОА (Франция)
2. Е. БОКС (Великобритания)
3. ОРНЕОРЕ МЕТЕЛЛИ (Италия)
4. АНТОНИО ВЕЛАСКЕЗ (Испания)
5. НЕИЗВЕСТНЫЙ БЕРГМАН (ГФР)

3

1907

ИОЗЕШ ПИККЕТ (США)

ОЙГЕН БУКТОНИКА (Югославия)

ПОЕДИНОК

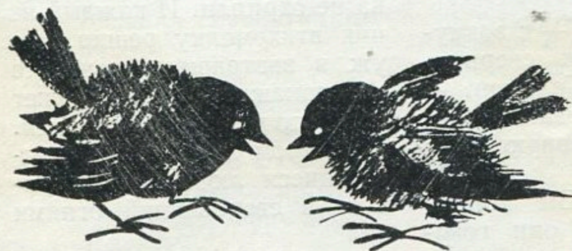
ПЕТЯ ВАСИЛЕВА
Рисунки СТОЯНА АНАСТАСОВА.

Мы работали на цветочных клумбах, когда тревожный птичий щебет заставил нас оглянуться. На крыше, почти у самого желоба, сидел воробей и издавал странные пискливые звуки. Он посматривал вниз, в траву, словно что-то уронил туда.

— Наверное, птенчик упал с крыши, — сказала моя приятельница.

— Вряд ли птенчик, для нового поколения уже поздновато, — возразила я, — ведь сейчас конец августа.

Воробей нервно прыгал по краю крыши, продолжая тревожно щебетать. Я посмотрела на траву. И действительно, среди высохших стебельков травы заметила воробушка. Мы осторожно стали приближаться к нему, и в этот момент оттуда выкатился крохотный комочек серых перышек. Оказалось, что это два дерущихся воробья. Они отскочили друг от друга на мгновение, а потом снова схватились клювами и покатились по земле. По всему было видно, что один из них намного сильнее противника. Насколько я могла различить, нападал все один и тот же. Потом они снова разошлись, и снова набросились друг на друга, как молодые петушки. Тот, что был посильнее, подмял под себя противника и, казалось, старался вдавить его в землю.

— Их надо разнять, — крикнула я. — Так он, пожалуй, убьет слабенького.

— Оставь, — задержала меня моя приятельница. — Одним воробьем больше, одним меньше. . . А подобное зрелище редко увидишь.

Враги разошлись и взлетели на крышу, где сидел третий воробей, щебечущий, будто футбольный судья. Там они снова схватились клювами и кубарем полетели в траву, где продолжали драку, будто и не падали с такой высоты. Потом снова взлетели на крышу и несколько секунд держались в стороне друг от друга — можно было подумать, что они стараются побороть в себе злость или поняли всю бессмысленность этой драки, но вскоре они уже опять бросились один на другого, продолжая драться так же яростно и ожесточенно. Наконец, воробьи исчезли на другой стороне крыши. Наблюдать за ними больше мы не могли.

Конечно, вряд ли они подрались из-за хлебной крошки или из-за уютного местечка под крышей. Что же могло их так озлобить? Чего они не поделили? И какое отношение имел к ним третий воробей, который, как беспомощный зритель, тревожно пищал, наблюдая за этим поединком.

ВОЙНА МУРАВЬЕВ

Я чуть не наступила на эту коричневую кучку посреди тропинки. Присмотревшись, я увидела целые полчища мелких муравьев, тех самых, которые снуют по деревьям, пробираются в невидимые щели буфетов, нападают на масло, влезают в коробки с халвой и даже попадают в бутылки с подсолнечным маслом. Я вынула увеличительное стекло и опустилась на колени. Ясно различались два вида муравьев — одни были светло-коричневые, другие — почти черные. Они налезали друг на друга, создавая не присущий этим насекомым хаос и беспорядок. Ведь муравьиное общество известно своей дисциплинированностью. Я стала следить за отдельными муравьями, чтобы понять, что у них происходит. Постепенно мне все стало ясно. Вцепившись друг в друга, коричневые и черные муравьи вели борьбу не на жизнь, а на смерть. В лупу они казались огромными и страшными. Каждый сражался, как мог. Я видела и искалеченных муравьев, и пленников, которых тащили победители. Не знаю, когда началось сражение, что было причиной конфликта, сколько времени шла эта война, но я уже устала наблюдать, а атаки все продолжались.

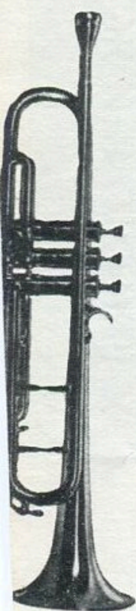
Я оставила воюющих и ушла.

Перед заходом солнца снова прошла мимо этого места. Муравьиных полчищ уже не было. На поле недавнего боя лежали убитые и раненые из обоих лагерей. Около них суетились «санитары», которые, подхватив пострадавших, уносили их к себе. Солнце еще не успело сесть, а раненые были вынесены, дорожка расчищена так, что ничто и не напоминало о недавней кровавой баталии.

Музыкальные инструменты

ЮРИЙ ЯРМЫШ

Скрипка, виолончель, кларнет — все музыкальные инструменты звучат лишь тогда, когда к ним прикасается человек. Сами по себе они не могут родить даже жалкой фальшивой ноты.

Но это в жизни.

А в сказке?

В сказке все бывает иначе. . .

. . . Под самым потолком в хрустальных ожерельях люстр, дрожа, замирали последние звуки музыки.

— Это было прекрасно! — говорили люди, покидая зал.

В глазах у многих блестели слёзы Да-да! Слёзы. Ведь прекрасное вызывает не только весёлые улыбки.

Скоро публика разошлась. Ушли и музыканты. Инструменты они аккуратно сложили в футляры и оставили на сцене. Завтра им предстоял концерт в этом зале.

Рабочие повсюду тушили свет. Погасли люстры. Только любопытная луна заглядывала в окна.

Вдруг в наступившей тишине щелкнула крышка футляра и показалась длинная мордочка франта Кларнета.

— Вот мы и одни! Тра-ля-ля! — пропел он и уселся на край футляра так, что блестящие кнопки на его черном лакированном костюме засверкали в лунных лучах, как драгоценные камни.

И сразу же защелкали крышки других футляров — больших, средних и совсем маленьких.

— Ох, и пришлось сегодня поработать, — сказал, отдуваясь, Барабан. — Я лез из кожи вон, зато меня лучше всех было слышно. Вы обратили внимание, как мне аплодировали?

— И нет, — пискнула Флейта, — больше всех аплодировали мне!

— Ну, знаете, — с возмущением пробасил свернувшийся в колесо Геликон, — это неспр-р-раведливо-о-о! Ведь самую главную партию исполнял я!

— Ха-ха-ха! Вы только послушайте, что они говорят, — запрыгал на футляре Кларнет, — вы только послушайте!

— Перестаньте спорить, это глупо, — кокетливо изогнув свою длинную шею, пропела Первая Скрипка, — все пришли ради меня. Ведь в афише выделено только мое имя!

В спор вступили Трубы, Медные Тарелки, Валторны.

Только старый Контрабас тихонько вздыхал. Он прожил на свете не один десяток лет и знал, чем кончаются такие споры.

Фагот попытался урезонить расшумевшиеся инструменты:

— И чего вы кричите? Разве дело в том, кто главнее?

Но на его добродушное ворчанье никто даже внимания не обратил.

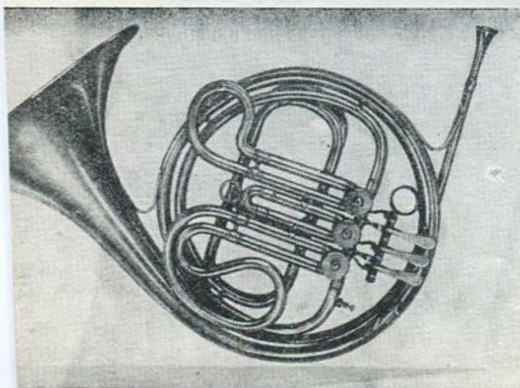
Инструменты кричали, пока не охрипли. И каждый из них втихомолку решил, что уж в завтрашнем концерте он покажет себя, докажет всем, кто в оркестре главный.

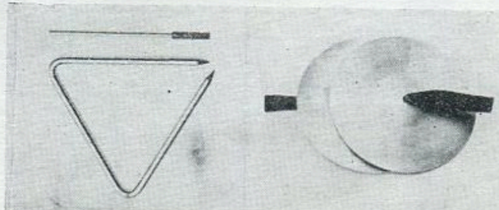
Вечером нарядные, улыбающиеся люди вновь пришли в сверкающий огнями зал.

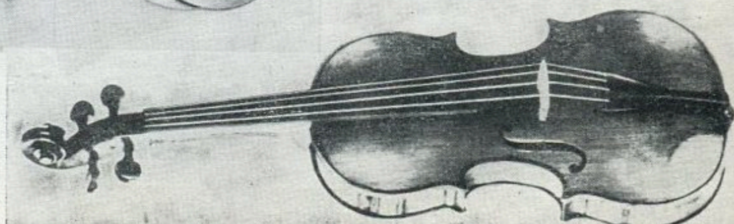
Прозвучал третий звонок. На сцене появился конферансье. Он назвал произведение композитора, почитаемого во всем мире.

Люди замерли в ожидании. . .

Взмахнул палочкой дири-

жер — и легкие, светлые звуки, словно ласточки в солнечных лучах, впорхнули в зал.

Дирижер дал знак Скрипкам. В следующее мгновенье они должны были начать мелодию, которая вот уже больше ста лет волнует людские сердца.

Но что это?

Вместо чарующих звуков Скрипок вдруг совсем не к месту захлопали Медные Тарелки, сразу сбив с ритма оркестр.

Дирижер возмущенно постучал палочкой о пюпитр. Но это не помогло.

Что поднялось!

Скрипки визжали, как поросята. Барабан так колотил себя в бок, что кожа лопнула. Увидев это, Кларнет залился громким хохотом. И тут во всю мощь своей медной глотки заревела толстая большая Труба!

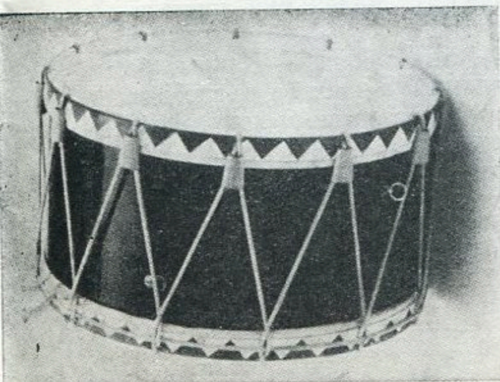
Музыканты со страхом смотрели на свои инструменты. Они больше не слушались! Каждый инструмент играл свое, стараясь заглушить другие. Они не замечали, что люди в ужасе затыкали уши и выбегали из зала. Последними убежали перепуганные музыканты.

Только когда зал опустел, все инструменты опомнились. Они сразу замолкли и спрятались от стыда в футляры.

В тишине громко прозвучал добродушно-ворчливый голос Фагота:

— Ну, так кто же главнее, кто главнее? Говорил я вам, что важно совсем не это?!

Но ему никто не ответил. Ведь отвечать-то было нечего! Только старик Контрабас горько вздохнул.

ДЯДЯ СТОЯН

ДЯДЯ СТОЯН — ЛЮБИМЕЦ БОЛГАРСКОЙ ДЕТВОРЫ И МОЛОДЕЖИ

СТОЯНА МИХАЙЛОВА ПОПОВА, или как его просто называли дядя Стоян, помнили и помнят не одно поколение болгарской детворы и молодежи, для которых он творил на протяжении нескольких десятилетий, которым оставил значительное художественное наследство.

Со дня его рождения прошло целое столетие. Стоян Попов, дядя Стоян, родился 21 июня 1865 года в деревне Дивотино, Софийского округа. Когда ему было всего два месяца от роду, его родители собрали весь домашний скарб, погрузили на телегу и отправились в Софию.

В Софии Стоян Попов заканчивает начальную школу. Позже отец записывает его в Духовную семинарию, но Стоян вскоре оставляет ее. Единственным средством развивать свою культуру остается самообразование. Он добивается многого и со временем становится писателем. Немало сил отдавал Стоян Попов своему любимому театральному делу, а также общественной работе. Благотворное влияние оказало на его формирование социалистическое учение.

Интерес к литературе проснулся в Стояне Попове еще в ранние годы. Одиннадцатилетним мальчиком он так увлекся стихотворением Васила Поповича «Дунай», что ушел из дома и отправился в дальнюю дорогу, чтобы увидеть великую реку. Книга становится для него незаменимым другом. Дядя Стоян — автор многочисленных стихотворных сборников для детей. Среди них: «Детский букет» (1898 г.), «Пузырик» (1900 г.), «Жалобы зайки-зазнайки» (1926 г.), «Дядюшкин букет» (1927 г), «Клевер», «Дядин подарок», «Франтиха тетя Зайка» (1929 г.), «Приключения Свекланы» (1931 г.), «Волшебный молоток» (1935 г.), «Птички» (1939 г.), «Шутки и прибаутки» (1939 г.) и др. После его смерти выходят следующие книги: «Детская книжка» (1941 г.), «Солнечные лучи» (1947 г.), «Анка и кошечка» (1949 г), «Дядин букет» (1955 г.). Стоян Попов принимал участие в редактировании первых детских газет «Славейче» и «Звездица».

Его творчество богато и разнообразно. Он воспевал в своих произведениях родную природу, изображал ее в различные времена года во всей ее пышности и разнообразии. Он учил детей слушаться и уважать родителей, прилежно учиться и трудиться. В его стихах звучит любовь к человеку, он не проходит равнодушно мимо страданий и социального неравенства. Особенно характерен его веселый и забавный юмор. Большое влияние на творчество писателя оказала народная поэзия.

Стоян Попов скончался 31 декабря 1939 года в Софии.

Некоторые стихотворения дяди Стояна, как, например, «Привет маме», «С мамой и папой», «Мой малыш», «Злюка», «Облачко и ребенок» и многие другие — настоящие жемчужины поэтического мастерства.

ГЕОРГИЙ ВЕСЕЛИНО

НАШИ ПАПЫ, НАШИ МАМЫ

ДЯДЯ СТОЯН

Нет милей, дороже нам
наших пап и наших мам.
Ради нас они живут,
все для деток создают.

Первым делом, как проснемся,
милой маме улыбнемся —
мама встала на заре,
чтоб сготовить детворе.

Папы в этот час уж нет,
на работе он чуть свет,
чтоб у каждого малышки
были сумки, перья, книжки,

чтоб имели мы в достатке
и одежки, и тетрадки.
Нет милей, дороже нам
наших пап и наших мам.

Майским утром со стороны вокзала к центру города потянулась длинная колонна демонстрантов. Впереди идут ребятишки в красных косоворотках.

Вот демонстранты подходят к зданию почты. Вдруг из переулков выскакивает полиция и оцепляет колонну. Дети инстинктивно хватаются за руки. . .

Это болгарские пионеры, которые бесстрашно шагали навстречу полицейским прикладам тридцать пять лет тому назад. Уже в 1919 году малолетние подмастерья из ремесленных мастерских, фабрик и заводов, бедные ученики имели свои организации.

В городе Пештера до сих пор рассказывают о бесстрашных двенадцатилетних связных, проявивших изумительную храбрость во время восстания 1923 года. Площадь Хаджи Димитра в Сливене и поныне напоминает о маленьком пролетарии с текстильной фабрики Пейчо Димитрове, который повел своих товарищей на антивоенную демонстрацию. Пионеры Варны с интересом слушают рассказы о тринадцатилетнем Недялко Дончеве. В 1934 году, во время стачки металлургов, он ходил по деревням, чтобы собрать для голодающих семей стачечников продукты.

Без конца можно вспоминать имена бывших пионеров. Позднее многие из них погибли как ремсисты, партизаны, фронтовики. Оставшиеся же в живых до сих пор с теплым чувством вспоминают о тех днях, когда они росли и воспитывались в пролетарских детских группах.

Концерт

В этот прохладный весенний вечер в зале читалища давали благотворительный концерт. Сострадальные господа решили собрать средства, чтобы «порадовать бедных сироток» к Пасхе.

У самого входа сидел чистильщик сапог Нисьо. Люди равнодушно проходили мимо него, торопясь войти в зал. Он сидел, кутаясь в старенький пиджак, опершись головой о холодную стену, и смотрел перед собой. У него были большие черные, грустные глаза. Их живой блеск оживлял худенькое, острое личико. На губах блуждала улыбка.

Нисьо целыми днями смотрел только на ноги людей. Он чистил их обувь от грязи и пыли. И, наверное, поэтому его так радовал клочок голубого неба, проглядывавшего среди посеревших домов. Сейчас небо было почти серым. Только края облаков едва уловимо отливали медью.

«Вот бы их нарисовать!. . — думал мальчик. — Дома я сделал бы белыми. Не могу смотреть на эти грязные, облупившиеся стены. Так и кажется, что они вот-вот выпустят облако сажи — и небо почернеет. . . Я хочу, чтобы оно было светлым.»

Маленький чистильщик очень любил, когда пионеры из их группы собирались у Бонки. Они часто пели их любимую песню «Все мы дети матери-земли». Ребятам казалось, что это не просто песня, сочиненная поэтом, а рассказ о жизни Нисьо, Бонки, маленького Янко, который умер от истощения.

И вот тогда-то в душе мальчика зародилось желание нарисовать поэта, который нашел для них такие теплые слова. Пока Бонка пела, Нисьо рисовал. На большом белом листе бумаги появилось милое, доброе и немного грустное лицо Смирненского. Казалось, поэт хочет сказать: «Я вас понимаю, мои милые ребятишки, мне очень больно за вас. Но. . . выше голову, мои бедные мальчишки! Придет день расплаты!»

Дети часто просили маленького художника рисовать в их стенгазеты карикатуры на богачей и полицейских. Маленький чистильщик отказывался:

— Не хочу! — отвечал он. — Какими бы смешными и уродливыми я их не нарисовал, людям от этого не станет легче. Я хочу, чтобы мои рисунки радовали. . .

Этот мальчонка не видел в своей жизни

ничего, кроме бедного, грязного квартала. Кто научил его чувствовать красоту? Наслаждаться ею, учить других понимать ее?

За спиной Нисьо хлопнула дверь. Он вздрогнул. Кто-то открыл дверь, ведущую в зал. Оттуда доносились нежные звуки скрипки. Мальчик робко перешагнул порог, поставил ящик на каменный пол в вестибюле и сел на него. Здесь мелодия слышалась совсем ясно. Казалось, что кто-то робко, словно украдкой, проводит смычком по струнам. Нисьо мысленно рисовал. . . Светлый, красивый город с белыми домами. В конце улицы — школа.

— Эй ты, грязнуля! Что здесь делаешь? Кто тебя пустил?

Нисьо испуганно вскочил. Перед ним стоял мальчишка в синем костюмчике с большим матросским воротником. Он рассеянно щелкал семечки.

— Я слушаю. А ты почему вышел?

— Надоело, — пренебрежительно ответил мальчик, сплевывая шелуху на пол. — Мама сказала, что все благовоспитанные люди придут, так вот и мы. . .

— А тебе не нравится музыка? — спросил Нисьо.

— Гм, музыка, как музыка. . . А ты с каких это пор начал разбираться в таких вещах? — перешел в наступление мальчик и задиристо продолжал: — Чистильщик сапог на концерте! Занимался бы лучше своими щетками!

Люди, сидевшие в последних рядах зала, повернулись к двери и сердито посмотрели на мальчиков. Какая-то пожилая госпожа поднялась со своего места и с возмущенным лицом засеменила к двери.

— Как тебе не стыдно! — накинулась она на Нисьо. — Здесь собрались порядочные люди, чтобы помочь таким, как ты, а ты смеешься! Чего же можно ждать от такого оборванца. Ну-ка, уходи отсюда!

— Но. . . это не я! — попытался оправдаться мальчик.

— Ладно, ладно! Знаю я!

Возмущенная госпожа схватила его за ухо и подтолкнула к двери.

Мальчишка в матросском костюмчике продолжал за их спинами лузать семечки и смеяться в кулак.

Нисьо вырвался из рук госпожи, схватил свой ящик и бросился на улицу.

Дверь захлопнулась за его спиной. Мальчик снова очутился среди мрачных домов. Перед его глазами все еще стояла солнечная картина, которую он только что рисовал перед собой, а в душе его струилась нежная, светлая мелодия.

ДОРА ХРИСТОВА

КАК ХИТРЫЙ ПЕТР ПОДРЕЗАЛ ВИНОГРАДНУЮ ЛОЗУ

Всю зиму Хитрый Петр* не показывал носа из своей деревни. Но как только стаял снег и расцвели васильки и безвременник, он отправился в город.

Проходя мимо одной цирюльни, Петр остановился, потер рукой щетинистый подбородок и решил побриться. Он вошел внутрь, поздоровался и робко остановился у дверей. В комнатушке сидело несколько человек — все люди зажиточные, торговые.

— Бриться будешь? — спросил его турок-цирюльник.

— Я затем и пришел, но подожду, — ответил скромно Петр.

— Садись, садись, сначала я побрею тебя. У них ведь никаких других дел нет, могут и подождать, — громко сказал цирюльник, подмигнув своим клиентам.

Петр сел на стул, снял шапку и положил ее между ног. Цирюльник же начал скоблить его бороду тупой бритвой, даже не намылив ему лица. Скоблит он Петрову бороду, а тот сжимает зубы, слезы так и катятся из его глаз. Но Петр терпит и думает: «Подожди же, и на моей улице будет праздник».

— Чего ты так зубы сжал? Может быть, тебе дать ручку от швабры, а то ненароком язык себе откусишь,— издевался над ним ухмыляющийся цирюльник, время от времени поглядывая на развеселившихся богачей.

— Ничего, продолжай свое дело. Ведь говорят же, когда заболит, тогда и плачут, — сквозь зубы процедил Петр.

Цирюльник побрил его, а потом похлопал по плечу и похвалил:

— Молодец! Настоящий ты богатырь. Я так постарался, что ты до конца дней своих будешь меня помнить.

Хитрый Петр встал, нахлобучил свой колпак и проворчал:

— Ты моей каши еще не отведал, потому так и говоришь.

Цирюльник не расслышал его слов и спросил:

— А ты зачем в город заявился?

— Людей посмотреть и себя показать.

— Знаешь, ты не плати мне, а подрежь-ка мою виноградную лозу.

— Хорошо, — согласился Петр, лукаво сверкнув глазами. — Вот только ножа у меня нет. Дай-ка мне бритву, которой меня брил, я отлично подрежу твою лозу.

Цирюльник протянул ему бритву и послал Петра во двор, где росла лоза.

Хитрый Петр срезал ее почти до корня и снова вошел к цирюльнику.

— Я ее так подрезал, что второй раз подрезать не потребуется.

— А слезки она пустила?

— Ого, да еще какие крупные, — присвистнул Петр. — Иди посмотри на нее, и ты слезу пустишь. . .

Пока цирюльник и торговцы разобрали в чем дело, Хитрый Петр улизнул из города.

САВВА ПОПОВ

---

* Герой болгарского фольклора, обобщивший в себе национальные черты болгарского народа: остроумие, жизнерадостность, лукавство, чувство справедливости.

Отрывок из книги «Хитрый Петр», иллюстрация народного художника Илии Бежкова.

Монета Константина Асена — лицевая сторона

Монета Константина Асена — обратная сторона

Декадрахма деронов

МОНЕТЫ БОЛГАРСКИХ ЗЕМЕЛЬ

ЙОРДАНКА ЮРУКОВА

При появлении монет скот перестал использоваться в качестве платежного и обменного средства. Мы узнаем об этом из греческого эпоса. В «Илиаде» и «Одиссее» упоминаются цены, исчисляемые количеством голов скота. Однако, использование рогатого скота как платежного средства было очень неудобным. Скот трудно было перевозить, трудно охранять, невозможно делить на части.

Например, если соха стоила пол-вола, то покупателю надо было брать две сохи и отдавать за них живого вола.

Позднее вместо денег люди начали употреблять всевозможные металлические предметы — топоры, кольца, стрелы.

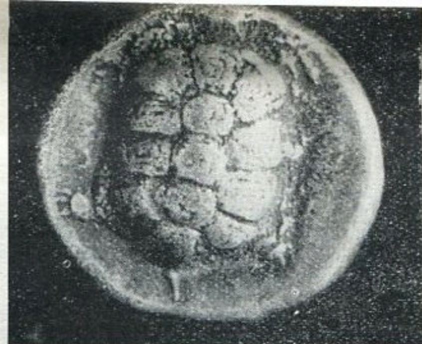
Лишь в начале VII века до нашей эры появились первые монеты. Родиной их является побережье Малой Азии. Эти монеты были из золота и серебра или из чистого золота. Они имели форму фасоли и примитивные изображения, но только на одной стороне. Особенно часто на самых древних монетах изображался лев — царь зверей.

Древние греческие монеты сделаны из серебра. В наши дни считается, что первые серебряные греческие монеты появились на острове Эгина. На лицевой стороне монет изображена морская черепаха, которая была гербом Эгины. Вскоре после появления первых монет они начали проникать по торговым путям и в болгарские земли, а местное население стало рубить свои «домашние» монеты. Географическое положение болгарских земель, являвшихся перекрестком дорог с запада и востока, объясняет причину изобилия монетных находок в нашей стране, их разнообразие. Почти каждый год во время глубокой весенней и осенней пахоты, а также при строительстве больших заводов и водохранилищ обнаруживаются многочисленные монетные находки. Некоторые из них имеют научную и историческую ценность.

К одним из наиболее ранних «домашних» монет, чеканившихся в VI веке до н. э., относятся большие серебряные монеты фракийского племени деронов, единственные в своем роде, которые были открыты у деревни Величково, Пазарджикского округа. Деронам принадлежали серебряные рудники в горах Дизором (ныне Круша-Планина в Македонии). Это позволяло им чеканить крупные монеты — декадрахмы (десять драхм), каждая из них весит 40 граммов. Декадрахмы деронов являются единственным источником, по которому ученые изучают это фракийское племя. В этом большое историческое значение декадрахм.

Позднее, в V и IV веках до н. эры, в греческих городах-колониях, расположенных на побережье Эгейского и Черного морей, начали чеканить свои собственные монеты. Важную роль играли монеты Аполлонии (ныне Созополь) и Месемврии (ныне Несебр.) До нас дошли серебряные и бронзовые монеты.

В середине IV века до н. эры, когда восточная половина Балканского полуострова окончательно попадает под македонское владычество, сюда проникают в большом количестве золотые, серебряные и бронзовые монеты Филиппа II и его сына Александра III. Эти монеты делались из сплава и были сравнительно легкими. Именно поэтому они пользовались такой популярностью среди фракийского населения. И когда Македонская держава распалась, в некоторых городах, например, в Одесосе (ныне Варне) и Месемврии продолжали чеканить монеты, похожие на известные всем денежные знаки македонских царей.

Серебряная египская монета

Тасосская тетрадрахма

Во II и I веках до н. эры среди фракийцев, которые населяли болгарские земли, большое распространение получили серебряные монеты тетрадрахмы, которые чеканились на острове Тасосе. На них изображался бог Дионис в венке из плюша, а на обратной стороне — Геракл.

Много времени спустя, когда на Тасосе перестали чеканить эти монеты, фракийцы продолжали изготовлять и пускать в обращение копии этих монет, которые отличались от оригиналов своими грубыми, будто бы сделанными детской рукой изображениями.

Во время римского владычества на Балканский полуостров проникли огромные количества римских монет из бронзы и серебра. Почти каждый год у нас находят сотни, а нередко и тысячи серебряных римских монет, называемых денарами. Недавно в селе Генерал-Мариново, Видинского округа, был открыт клад, состоящий из 20 тысяч серебряных римских денаров, общим весом 59 килограммов. Эта находка свидетельствует о том, что какой-то богатый землевладелец, боясь нападения врагов, спрятал свое богатство в металлический сосуд и закопал его в землю.

Мы должны объяснить, что монеты прятали обычно в тяжелые и напряженные исторические моменты, когда стране грозили вражеские набеги, военные походы, междоусобицы. Некоторые люди, укрывшие свои богатства, оставались в живых и потом выкапывали их, другие же погибали, и клады лежали нетронутыми до наших дней. Состав этих кладов, наличие в них того или иного вида монет дают нам сведения об экономических связях и влияниях, о важных торговых путях и центрах в тот или иной период.

В Болгарии были в ходу золотые и медные монеты византийских императоров VI-VII веков.

Часто встречаются византийские монеты XII—XIII веков, неправильно называемые у нас костадинками.

В конце VII века, в 681 году, была образована славяно-болгарская держава, но лишь в XIII веке болгарский царь Иван Асен II начал чеканить свои монеты. Научные исследования подтверждают это. Он был единственным болгарским царем, который чеканил монеты из чистого золота.

Известные серебряные и медные монеты Михаила Асена, Георгия Тертера, Тодора Светослава, Михаила Шишмана, Ивана Александра, Ивана Срацимира и Ивана Шишмана. Со времен последних трех царей сохранилось множество серебряных грошей и полгрошей, которые были обнаружены не только у нас, но и в Румынии. Реже встречаются монеты остальных царей. На серебряных монетах Ивана Александра он изображен один или вместе со своим сыном Михаилом Асеном. На некоторых медных монетах рядом с царем изображена и его супруга Теодора. Особенно интересны для нас эти медные монеты, на лицевой стороне которых изображены Иван Александр и Михаил Асен, а на обратной — схема тырновской крепости с тремя высокими башнями и надписью TPN (O) B.

Монеты являются надежным источником исторических знаний. О многих событиях, городах, государствах, племенах мы узнаем именно по монетам. Нередко они являются единственным источником сведений. Например, о фракийском племени деронов и о небольших скифских государствах, расположенных в землях сегодняшней Добруджи, мы можем судить только по монетам. По ним мы представляем себе античную архитектуру наших городов. На обратной стороне многих бронзовых монет, которые чеканились в Пауталии (ныне Кюстендил), Сердике (ныне София), Филиппополе (ныне Пловдив) и других местах, изображались всевозможные монументальные постройки: храмы, театры, цирки, мосты, триумфальные арки, городские стены и т. д.

Они дают возможность получит точное представление о тех постройках, от которых в самом лучшем случае в наши дни остались одни развалины.

Эти немногочисленные примеры говорят о том, с каким вниманием мы должны относиться к монетам, как необходимо их собирать, изучать и узнавать от них все, о чем они могут рассказать.

ПЁСТРАЯ ПАЛИТРА

БЕДНЫЙ АРТИСТ

Один бедный артист, которому нередко приходилось голодать, всегда поворачивался к драматургу спиной и не здоровался с ним.

Однажды драматург остановил его и спросил:

— Приятель, да вы, кажется, сердитесь на меня? Чем я вас обидел?

— Не ожидал я от вас такой подлости, — ответил артист.

— В чем дело?

— В вашей пьесе, в третьем действии, подается настоящий жареный цыпленок, а вы заставляете меня умереть еще во втором.

ПОСЛЕДНИЙ АРГУМЕНТ

Артист звонит директору цирка:

— Я подготовил для вас сенсационный номер!

— Мне предварительно известны все ваши сенсационные номера...

— Но мой номер необыкновенный: я глотаю саблю должиной в один метр.

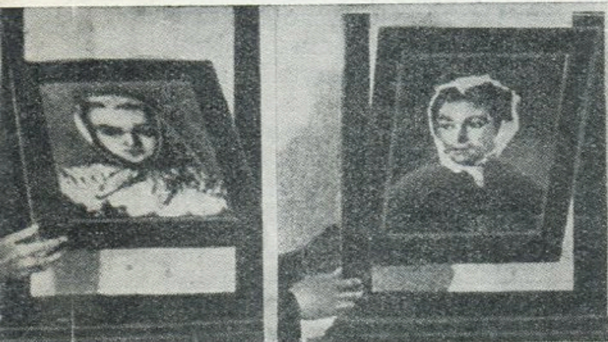
— О, ничего удивительного. Много людей глотают сабли в один метр...

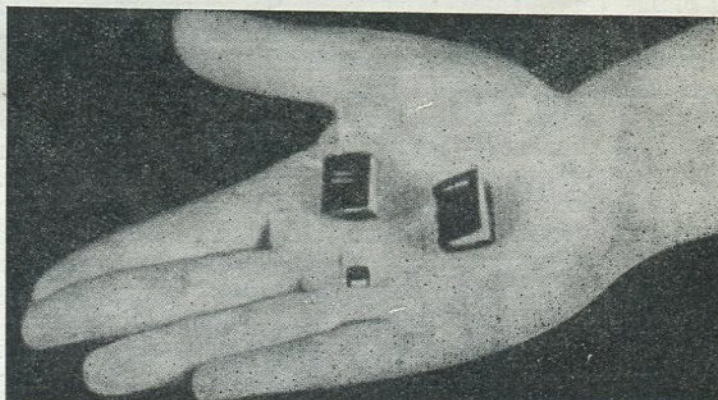
— Да, но мой рост всего лишь девяносто сантиметров!

ПОМОГЛА КРАЖА

Из музея города Сан Луи (США) была похищена картина известного французского художника Поля Сезанна. Обнаружить ее удалось сравнительно скоро. Поверхность полотна оказалась несколько поврежденной, поэтому пришлось отнести ее к реставраторам. В процессе реставрации художники открыли на обратной стороне полотна еще один неизвестный портрет, принадлежащий кисти Сезанна.

Таким образом, если бы не кража, ценная и интересная картина на полотне осталась бы неизвестной.

БИБЛИОТЕКА, КОТОРАЯ МОЖЕТ ПОМЕСТИТЬСЯ НА ЛАДОНИ

В мире ежегодно выходят миллионы интересных и увлекательных книг.

А приходилось ли вам слышать о миниатюрных книжках, называемых «микрокнигами»? О них может вам рассказать директор университетской полиграфии в Будапеште — Юлиус Янка.

Он познакомит вас с микрокнижками, которые хранятся в его коллекции. В ней находится первый «Сборник проповедей», который был напечатан 330 лет тому назад в городе Грац (Австрия) на латинском языке. Обычно микрокнижки печатаются в двух-трех экземплярах, так как их размеры создают большие технические затруднения. Однако, и эти книжки кажутся настоящими великанами по сравнению с «лилипутами», величина которых измеряется в миллиметрах. «Чемпионом» коллекции является книжка, формат которой равен 0,005/0,005 мм. Попробуйте представить себе ее шрифт. Читать подобную книжку можно только вооружась сильной лупой. А изготовить для нее шрифт гораздо сложнее, чем выполнить самую тонкую ювелирную работу. Обложки этих книжек сделаны с большим вкусом и изяществом. Нередко они обтянуты кожей или шелком, украшены кованым серебром. К некоторым из них прикреплены специальные лупы для чтения.

Коллекция Юлиуса Янки состоит из 106 экземпляров. Каждый из них можно назвать образцом художественного и полиграфического искусства. В эту коллекцию входят произведения Шекспира, Диккенса, Стендаля, Гете, Шиллера, Гейне, Горького и других.

В Лейпциге недавно вышла, так называемая «библиотечка-лилипут», которая пользуется большим спросом.

В будущем развитие полиграфической и оптической техники позволят издавать микрокнижки в массовых тиражах. Но пока они представляют собой редкость и являются предметом страсти коллекционеров редких книг.

Новый 1966 год — юбилейный год журнала «Картинная галерея». В январе месяце исполняется 10 лет со дня выхода в свет первого номера. В новом, наступающем году, улучшится качество литературных материалов, увеличится объем журнала.

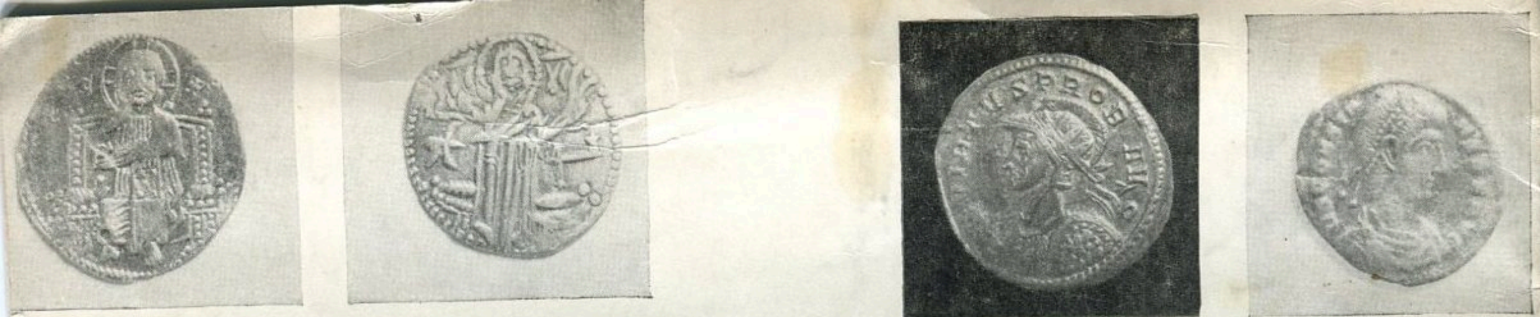
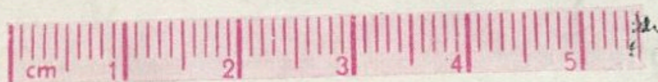
Рекомендуйте журнал своим друзьям! Подписывайтесь на него или обращайтесь за ним в газетные киоски!

Картинная галерея

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА, НОМЕР СЕДЬМОЙ, СЕНТЯБРЬ, 1965 г., 9-й ГОД ИЗДАНИЯ. Адрес редакции: София, ул. Ангела Кынчева, 5. Заказ № 2452

Георгий Гергов — Скульптурная группа в Карлово, посвященная сопротивительному движению

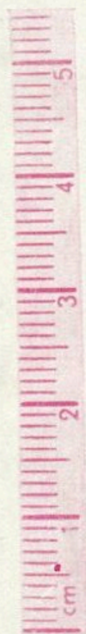

МОНЕТЫ БОЛГАРСКИХ ЗЕМЕЛЬ

20581 *0.10 коп.*